

ФЕНОМЕН «ХРИСТИАНСКОГО ЮМОРА» В ТВОРЧЕСТВЕ ВАСИЛИЯ НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА

Золотых Ю.Н.

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1/А (корпус 1), e-mail: jul26rus@yandex.ru

---

Целью данной статьи является актуализация творческого наследия «забытого» автора русского зарубежья – Василия Никифорова-Волгина (1900–1941) в свете исследования феномена смешного в его произведениях. Природа христианского юмора в творчестве Василия Никифорова-Волгина основаниями своими близка комической природе произведений Протопопа Аввакума. В рассказах Василия Никифорова-Волгина мы видим воплощение воцерковленного типа художественного сознания. Христианский юмор в его рассказах представлен формами: юмор, самоирония, сатира и инвектива. Юмор и самоирония связываются с таким типом пафоса, как благодатное приятие мира. В этих формах осознаются персонажи с воцерковленным типом сознания. Сатира и инвектива появляются тогда, когда перед нами предстает мир советской России, лишенной по собственной воле Божественного присутствия, атеистический.

Ключевые слова и фразы: воцерковленный тип художественного сознания, типология смеха в русской православной традиции.

PHENOMENON «CHRISTIAN HUMOR» IN THE CREATIVITY OF VASSILY NIKIFOROVA-VOLGIN

Zolotykh J.N.

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia 355009, Stavropol, Pushkina st. 1/A (building1), e-mail: jul26rus@yandex.ru

---

The purpose of this article is to update the creative heritage of the "forgotten" author of the Russian diaspora – Vasily Nikiforov-Volgin (1900–1941) in the light of the study of the phenomenon of humor in his works. Nature of Christian humor in creativity Vasily Nikiforov-Volgin bases its close comic nature works priest Avvakum. In the stories of Vasily Nikiforov-Volgin we see the embodiment of church type of artistic consciousness. Christian humor in his stories submitted forms: humor, self-irony, satire and invective. Humor and self-irony associated with such type of pathos, as the gracious acceptance of the world. These forms are realized characters with church type of consciousness. Satire and invective appear when before us is a world of Soviet Russia, deprived of their own free will of the divine presence, atheistic.

Keywords: church-going type of artistic consciousness, typology of laughter in the Russian Orthodox tradition.

Феномен смеха в культурных границах русской ойкумены отрефлексирован в литературоведении достаточно полно. Его национальные и эпохальные особенности были описаны в трудах Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, С.А. Иванова, С.С. Аверинцева и других.

В процессе наращивания теоретического багажа о смехе в литературоведении естественно возникает вопрос о христианском юморе, о том, возможен ли он вообще. Так, С.С. Аверинцев в статье «Бахтин, смех, христианская культура» актуализирует вопрос: «в чем правда старой традиции, согласно которой Христос никогда не смеялся?» [1, с. 8]. Ученый утверждает далее, что смех – это акт освобождения от некоторой несвободы, и приходит к следующему выводу: «предание, согласно которому Христос никогда не смеялся,

с точки зрения философии смеха представляется достаточно логичным и убедительным. В точке абсолютной свободы смех невозможен, ибо излишен» [1, с. 10].

Смех в контексте русской культурной традиции связывается учеными с феноменом юродства как особой религиозной аскезы, возникший в среде восточного христианства около V века и реализующий утверждение апостола Павла: «Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будет безумным, чтоб быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом...» (1 Кор. 3, 18-19). Главными образующими поведенческой модели юродивого как притворного безумца с религиозными целями С.А. Иванов называет:

- провокацию («сознательное выстраивание ситуации, вынуждающей кого-либо на нежелательную для него активность предсказуемого для «провокатора» характера»);
- агрессию («активность, имеющая целью нарушение status quo в отношениях между людьми и самим объектом агрессии, воспринимаемая как недружественная») [4, с. 80].

Юродство как ругание миру в рамках христианской традиции – не единственная форма смешного. Так, в главе «Юмор протопопа Аввакума» книги «Смех как мировоззрение» Д.С. Лихачев описывает христианский смех иной природы – «кроткий смех»: «Смех Аввакума — это своеобразный «религиозный смех», столь характерный для Древней Руси в целом. Это щит от соблазна гордыни, житейский выход из греха и одновременно проявление доброты к своим мучителям, терпения и смирения... Смех, повторяю, был для Аввакума формой кроткого отношения к людям, как бы злы эти последние ни были к нему» [6, с. 61].

Однако феномен христианского юмора некоторыми учеными отрицается. Л.В. Карасев, например, утверждает: «культ тела и смеха все равно останется за язычеством, а движение к духу и любовь к слезам – за христианством» [5, с. 22].

Дихотомия интерпретации природы смеха в рамках христианской традиции до сих пор остается актуальной не только в литературоведческом дискурсе, но и в теологическом.

В дискуссиях по этому поводу часто встречается постулат о том, что христианского юмора не может быть по определению, так как юмор – это пустословие и смехотворство. Здесь обычно приводят цитату из Библии: «также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны [вам], а, напротив, благодарение» (Еф.5:4).

Однако Православие как особый тип сознания, мироощущения радостно, что неоднократно подчеркивается в теологическом дискурсе. Позвольте привести в пример цитату из статьи отца Павла Бегичева «Миф о смехотворстве» [2]: «Когда я стал изучать этот вопрос в Писании, то увидел, что юмор, смех, веселье и шутка могут быть вполне безобидны

и даже хороши. Ничего плохого в смехе и шутках нет. Наоборот, часто смех и веселье – это признак Божьего благословения...» [2].

Автор статьи приводит в защиту христианского юмора многочисленные примеры из Библии: «Он еще наполнит смехом уста твои и губы твои радостным восклицанием. (Иов.8:21)», «тогда уста наши были полны веселья (то же слово), и язык наш - пения; тогда между народами говорили: «великое сотворил Господь над ними! (Пс.125:2)», «В полдень Илия стал смеяться над ними и говорил: кричите громким голосом, ибо он бог; может быть, он задумался, или занят чем-либо, или в дороге, а может быть, и спит, так он проснется! (3Цар.18:27)», «время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; (Еккл.3:4)» [2].

Александр Лычков, исследуя проблему православного юмора, пишет: «надо иметь в виду особый характер христианского юмора. Христианский юмор мягкий, добрый, он помогает человеку стать лучше, увидеть свои недостатки и промахи, через улыбку, через смех преодолеть их. Христианский юмор исключает нарушение заповеди: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно» (Исх. 20:7). Если христианский юмор уподобляется некоторым далеко не лучшим образцам светского юмора, видимо, чтобы привлечь читателей, показать, что христиане «свои ребята», то это огорчительно, но совсем не значит, что плох весь христианский юмор» [7].

Итак, Православие радостно. Смешное здесь проявляется чаще в двух формах – в форме отрицания грешного мира (ругание юродивого) и в форме «кроткого смеха» над собой как понимания своей греховности (комическое у Протопопа Аввакума).

Целью нашей статьи является актуализация творческого наследия «забытого» автора русского зарубежья – Василия Никифорова-Волгина (1900–1941) в свете исследования феномена смешного в его произведениях.

Творчество писателя высоко оценивали современники: Арцыбашев, Амфитеатров, Исаков, Нарышкин, Перфильев, Шмелев. Нельзя не отметить и сонет, посвященный В. Никифорову-Волгину И. Северяниным, – «Ему мила мерцающая даль...» (1936).

О популярности автора, о признании его таланта современниками говорит и престижная премия парижского издания «Иллюстрированная Россия», полученная В. Никифоровым-Волгиным в 1936 году за рассказ «Архиерей».

На сегодняшний день мы наблюдаем удивительный феномен: творчество Василия Никифорова-Волгина востребовано в школьной практике, учителя-словесники все чаще обращаются к его наследию на уроках ОПК и на факультативных занятиях [10], а научная рефлексия не выработала достаточно аргументированной базы по осмыслению феномена творчества рассматриваемого писателя.

До сих пор исследование творчества В. Никифорова-Волгина исчерпывается преимущественно рядом статей, посвященных биографии писателя, или диссертационных работ, затрагивающих творчество писателя в качестве одного из многочисленных материалов исследования (С. Исаков, А. Любомудров, Н. Пересторонин, А. Стрижев, О. Лапко, О. Платонова, А. Измайлова).

Таким образом, актуализация творчества В. Никифорова-Волгина сможет не только расширить представление о наследии «возвращенной» литературы, но и помочь в решении теоретических проблем, остро стоящих перед учителями-словесниками.

Писатель видит и воспринимает мир (как реальный мир, так и мир художественного произведения) сквозь призму христианского мировосприятия. Поэтому в осмыслении творчества В. Никифорова-Волгина мы идем вслед за А.М. Любомудровым, обосновывавшим понятие «духовный реализм» в современной науке.

Однако в нашей работе мы используем понятие «воцерковленный тип художественного сознания» [3], берем его в качестве центральной категории в определении специфики поэтики рассматриваемого автора.

На наш взгляд, природа христианского юмора в творчестве Василия Никифорова-Волгина основаниями своими близка комической природе произведений Протопопа Аввакума.

С формами комического мы встречаемся в циклах автобиографических рассказов «Детство» и «Из воспоминаний детства». Комическое здесь представлено в особой, достаточно редкой для литературных произведений форме – в рассказах нет насмешки, сарказма, сатиры или иронии над другим. Юмор и самоирония – ведущие формы комического автобиографических рассказов о детстве. Самоирония, безусловно, связана в художественном мире Никифорова-Волгина с осознанием собственной греховности, несовершенства, также, как и у Аввакума.

В указанных циклах можно выделить два бытия – человеческое, суетное и Божественное. Божественное бытие просматривается в пейзажных зарисовках, в описаниях церковных служб, в некоторых частях внутреннего монолога персонажей: «После долгой службы идешь домой и слушаешь внутри себя шепот: «Обнови нас, молящихся... даруй ми зрети моя пригрешения и не осуждати брата моего». А кругом солнце. Оно уже сожгло утренние морозы. Улица звенит от ледяных сосуллек, падающих с крыш» [9, с.7].

Безусловно, ведущей эмоционально-ценностной ориентацией обоих циклов является «благодарное приятие мира и сердечное сокрушение» (В.Е. Хализов).

В рассказе «Причащение» находим: «И всех на земле было жалко, даже снега, насильно разбросанного мной на сожжение солнцу: пускай доживал бы крохотные свои дни!» [9, с. 25].

Только самоирония, юмор, принимающие весь этот благодатный мир с радостью и смирением, возможны в подобном «воцерковленном» бытии. На границе, соединяющей Божественное и человеческое бытие, возникают ситуации либо человеческого прорыва к трансцендентному, к живому диалогу с Богом, либо человеческой слепоты, неразумности. На этой «неразумности» и основывается комическое в циклах В. Никифорова-Волгина «Детство» и «Из воспоминаний детства».

Так, в рассказе «Исповедь» перед нами предстает герой – маленький мальчик Вася, собирающийся в церковь на исповедь. Его внутреннее волнение постоянно перебивается некими «происшествиями» по дороге. Совсем неуместно к случаю спрашивает его дворник Давыд: «Куда это ты таким пижоном вырядился?» [9, с. 15]. Чуть позже встречаются Васе его товарищи. «Урка недавно ударил мою сестренку, и мне очень хочется подойти к нему и дать подзатыльника, но вспоминаю, что сегодня исповедь и драться грешно. Молча, с надутым видом прохожу мимо» [9, с. 16]. В такой же ироничной тональности продолжается повествование. Взгляд автора на своих персонажей при этом переполнен любовью и сочувствием, тем эмоционально-ценностным отношением, которое характерно для воцерковленного типа художественного сознания.

Другие рассказы автора, не относящиеся к циклам о детстве, часто трагичны. В них изучается судьба православного человека в лихие годы революции и установления советских порядков. Однако и в таких рассказах мы можем отметить присутствие комического. Так, в рассказе «Солнце играет» видим сатирическую зарисовку: подготовку комсомольцев к антирелигиозной пропаганде. «Борьба с пасхальной заутренней была задумана на широкую ногу. В течение всей Страстной недели на видных и оживленных местах города красовались яркие саженные плакаты: «Комсомольская заутреня! Ровно в 12 ч. ночи. Новейшая комедия Антона Изюмова «Христос во фраке». В главной роли артист Московского театра Александр Ростовцев. Бездна хохота. Каскады остроумия» [9, с. 358].

Мир советской России для Никифорова-Волгина – антимир, находящийся в непримиримом противоречии с авторским идеалом, что и порождает сатирические формы осмысления советской реальности.

Однако в рассказе сильна линия Богопознания и очищения. Актер Ростовцев, читая Библию со сцены, переживает на глазах у публики перевоплощение из воинственного атеиста в человека, глубоко верующего (этот пласт повествования связан как раз с пафосом благодарного приятия мира). Концовка рассказа так и оставляет персонажей из антимира

несведущими, незрячими: «Через несколько минут публике было объявлено: по причине неожиданной болезни товарища Ростовцева сегодняшний наш спектакль не состоится» [9, с. 363]. Ситуация глумления над Библией и Православием никак не разрешается для зрителей спектакля, в отличие от Ростовцева, мировоззрение которого изменяется навсегда.

Нередки рассказы Никифорова-Волгина, в которых сатирическое приобретает инвективный характер. Так, в рассказе «Древняя книга» читатель узнает историю отношения людей к Библии, находящейся у них в доме на протяжении нескольких десятилетий. Все далее и далее отходит человек от Писания, все больше и больше кощунствует он на страницах Библии. Так, если запись, датированная ноябрем 1752 года, полна Богобоязненной любви к Библии («Сия боговдохновенная книга, истина и путь вверженному в пучину отчаяния»), то запись 12 июля 1933 года говорит нам о полной потере сакрального значения Библии для безымённых персонажей: «12 июля 1933 года наша футбольная команда попала в класс «А». Ура!» [9, с. 92].

Таким образом, в рассказах Василия Никифорова-Волгина мы видим воплощение воцерковленного типа художественного сознания. Комическое в его произведениях представлено формами: юмор, самоирония, сатира и инвектива. Юмор и самоирония связываются с таким типом пафоса, как благодатное приятие мира, в этих формах осознаются персонажи с воцерковленным типом сознания. Сатира и инвектива появляются тогда, когда перед нами предстает мир советской России, лишенной по собственной воле Божественного присутствия, атеистический.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура// М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 7-19.
2. Бегичев П. «Миф о смехотворстве» // <http://www.word4you.ru/interesting/9975/>
3. Золотых Ю.Н. Воцерковленный тип художественного сознания в поэтическом мире И. Шаховского и А. Солодовникова// Вестник Северо-Кавказского федерального университета. Ставрополь, СКФУ. 2013. № 4. С. 147-151.
4. Иванов, С.А. Византийское юродство. М.,1994. 240 с.
5. Карасев Л.В. Философия смеха. М., 1996. 224 с.
6. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. 298 с.
7. Лычков А. Христианский юмор? Это замечательно! // <http://posledovatel.ucoz.ru/publ/14-1-0-84>.
8. Любомудров А. Василий Никифоров-Волгин // Биография // <http://www.peoples.ru/state>

9. Никифоров-Волгин В.А. Алтарь затворенный: рассказы. М.: Артос-Медиа, 2009.
10. Основы Православной веры, культуры и нравственности. Сборник программ факультативов духовно-нравственной ориентации/ сост. Т.К. Дорофеева. Тюмень, 1999.

Рецензенты:

Гусаренко С.В., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Ходус В.П., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой русского языка Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.